

**ПРИАМУРСКИЙ КРАЙ:
ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА
Конец XIX — начало XX в.**

Е. И. Нестерова
**ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИЗАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПРИАМУРЬЕ
(вторая половина XIX в.)**

Представляется перспективным подход к изучению колониционной политики России на Дальнем Востоке, в рамках которого возводятся модели народной колонизации и процесс создания империи (С. Лурье). Основой государственной идеологии, предполагающей территориальную экспансию, служила идеология "Москва — Третий Рим — Святая Русь", которая существовала параллельно как в рамках идеологии, так и на уровне народного сознания. Любое место, где селились русские, уже в силу самого этого факта воспринималось как Россия, вне зависимости от того, было ли оно включено в состав ее государственной территории официально.

Еще в XIX в. русский историк Н. Я. Данилевский подметил несколько иной аспект этого же феномена: направляющиеся из центра страны колониционные потоки русских людей, как правило, "образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, неразделимый круг ее". Поэтому процесс русской колонизации предстает как последовательное расширение целостного массива, политической и духовной "осью" которого остается исторический центр. Местная администрация не всегда

могла оказать и не оказывала действенное влияние на формирование дальневосточной политики центра, которая бы соответствовала не только общегосударственным, но и региональным целям.

Значение Приамурья долгое время осмысливалось не в экономических, а в политических терминах. Мы видим явное доминирование идейно-ментальных установок, которые опредмечиваются в государственных, политических, хозяйственных, социокультурных формах. Именно политические интересы, обусловленные приграничным положением края, не давали возможности свободного экономического развития территории. Дальневосточная колониальная политика рассматривалась и формировалась представителями российской центральной власти сквозь призму военно-политических интересов в этом регионе, приоритет отдавался двум аспектам — формированию постоянного контингента русского населения, способного защитить эту территорию от неприятеля, и созданию эффективной системы управления.

Хотя формально край был открыт для заселения иностранцев и русских подданных, реально государство пристально следило за колониационным процессом. Еще в 1850 г. в секретном рапорте на имя начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова Н. Н. Муравьев предупреждал, что "заятие иностранцами устья Амура столь было бы пагубно для пользы государства, что нам непременно должно будет выгнать оттуда силой новых прищельцев и следовательно объявить войну той державе, к которой они будут принадлежать, то есть Америке, или Франции, или Англии". Этот рапорт может служить своеобразной точкой отсчета, задавшей направление колониационной политики царского правительства, взятой на вооружение фактически с момента присоединения края — освоение данной территории собственными силами. В 1865 г. военный губернатор Приморской области И. В. Фуругельм (уроженец Великого княжества Финляндского) просит Министерство финансов выделить по 100 тысяч рублей в течение трех лет для быстрейшего заселения Южно-Уссурийского края коренными русскими, чтобы сохранить его за Россией. Впрочем, тогда эта просьба не была удовлетворена, но идея продолжала жить и в конечном счете была выражена в лозунге "Русский Дальний Восток для русских". Колониационные возможно-

сти России были таковы, что этот лозунг по большей части так и остался на бумаге.

В разные периоды доминировали разные тенденции колонизационно-имперского строительства: то интересы заселения и экономического развития края (поощрение народной колонизации), но с учетом военно-политических интересов России, то интересы создания и укрепления империи (отбор и фильтрация потенциальных переселенцев). Интересы государства всегда стояли на первом плане. Во многом именно это препятствовало появлению в Приамурье постоянного активного населения.

Нам представляется, что на политику отбора колонизационного элемента, особенно на раннем этапе освоения, помимо экономических причин сильное влияние оказывали этнические стереотипы, закрепленные как в русском общественном сознании, так и у конкретных представителей власти. Под этническими стереотипами мы понимаем осознание характерных, с точки зрения данного этноса, признаков других этнических групп. После переселения немцев в Поволжье за ними закрепляется образ удачного колонизационного элемента, способного превратить любую территорию в цветущий край. Именно с этими представлениями и была связана попытка основать в Приамурье в 1859 г. колонию прусских выходцев, но она закончилась неудачей. В 1860 г. возникает идея создания на Дальнем Востоке славянской колонии из переселившихся в Америку чехов и словаков (панславянские стереотипы), которые были уверены, что найдут среди русских на Дальнем Востоке братьев и послужат общему благу новой Родины. Чехи считали, что если даже они не сохранят в России свою национальную самобытность, то не перестанут быть по крайней мере славянами. В 1869 г. была сделана попытка основать финскую колонию, так как всем известно, что финны хорошие рыбаки. С подобными же стереотипами связана и попытка переселения эстов.

Таким образом, в разные периоды предполагалось или осуществлялось переселение представителей различных этносов под влиянием положительных стереотипов, без учета конкретных специальностей переселенцев (как это было с финнами); при этом ограничивалось переселение (американцев) или пребывание дру-

гих экономически активных групп населения (евреев, китайцев), даже в ущерб экономическому развитию региона. Немаловажную роль при принятии подобных решений играли отрицательные стереотипы. С момента приобретения края явно просматривается декларация принципа "Русский Дальний Восток для русских", который впоследствии дополняется лозунгами борьбы с "желтой" опасностью. Однако реализация на практике этих идей не всегда была возможна по экономическим соображениям.

Как считают некоторые исследователи, ситуация осложнялась тем, что при заселении дальневосточных земель встретились два колонизационных потока — русский и стихийно сформировавшийся китайский. Нам представляется, что помимо китайского можно говорить и о корейском колониальном потоке. В отличие от российского, китайская колонизация Приамурья не пользовалась поддержкой со стороны правительства. Если у российской колонизационной политики были геополитические приоритеты, то китайская колонизация преследовала здесь в первую очередь хозяйственно-экономические цели, что могло создать реальную угрозу целостности края и поставить на повестку дня вопрос о его принадлежности России.

Активная помощь государства в создании постоянного контингента населения российского Дальнего Востока начинается с 1882 г. При этом применяется модель не промышленной, а сельскохозяйственной колонизации, поэтому долгое время основными социальными группами в крае являлись крестьяне, ссыльные, чиновники, военные, казаки. Длительный период гражданская и военная власть в крае концентрировалась в одних руках, что обуславливало в решении вопросов приоритет военно-промышленных интересов.

Несмотря на значительный колонизационный опыт, российская практика не выработала института "колониального чиновника" — государственного деятеля, имевшего подготовку к службе в новых регионах, обладавшего знаниями о конкретных особенностях того края, где ему предстоит работать. С некоторой натяжкой мы можем считать первым шагом в этом направлении решение о создании Восточного института во Владивостоке, хотя цель его создания в большей степени связана не с изучением особенностей вновь приобретенного Приамурья, а с изучением со-

предельных стран. К концу XIX в. вектор интересов русской политики на Дальнем Востоке смещается к югу (Маньчжурия, Китай, Корея), туда направляются основное внимание и финансовые вложения.

Таким образом, как нам представляется, освоение приамурских территорий проходило в большей степени под знаком имперского строительства, нежели колонизации региона.

Л. И. Краснова

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

(Из истории освоения и заселения российского
Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в.)

Тема заселения и хозяйственного освоения российского Дальнего Востока представляет сегодня интерес не только своим историческим контекстом. Связь ее с современностью ощутима и очевидна в направлениях региональной политики, проводимой нынешней властью.

О проблемах дореволюционного Дальнего Востока написано немало статей, книг, проведено исследований. И все же наиболее репрезентативными, на наш взгляд, являются публикации конца XIX — начала XX в.: всеподданнейшие отчеты, материалы, записки, статистические отчеты, наблюдения непосредственных участников событий.

Отношение российских правительственных кругов к Дальнему Востоку в то время, как и сейчас, было далеко неоднозначным. В официальных бумагах тогдашних российских чиновников ставился и обсуждался вопрос: чем должен стать для России данный регион — военным щитом, кладовой богатейших природных ресурсов или бременем на плечах российской казны?

Несмотря на резкие расхождения мнений, вопросы колонизации дальневосточных земель стали главными со второй половины XIX в. Со временем наметился круг проблем, с которыми сталкивались устроители переселения — местные и столичные власти. Самыми значительными из них были: